

МАРИАННА КРАММ

твоя
Муза

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К77

Крамм, Марианна.
К77 Твоя Мари / Марианна Крамм. — Москва :
Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-211194-5

Подчинить тело просто. Душу — почти невозможно.
Как не сломать друг друга и найти гармонию там, где её,
кажется, быть не может? Откровенный взгляд на мир
БДСМ — изнутри и снизу. Без прикрас. Только боль.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© М. Крамм, текст, 2025

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо»,

ISBN 978-5-04-211194-5 2025

*Автор не пропагандирует,
не старается сделать БДСМ
популярным, не предлагает
пробовать на себе.*

Каждый человек как-то определяет для себя свое внутреннее «я». И практически каждый принадлежит к какой-то группе людей. Некоторые называют это клубами по интересам, некоторые — неформальными объединениями. Ну да — кто-то косплеер, кто-то руфер, кто-то анимешник (вот им что — русских слов не хватает для обозначения собственных пристрастий?). Кто-то любит панд, кто-то мотоциклы. А я люблю боль.

В последнее время вокруг нашей тусовки развелось слишком много мифов и сказок, зачастую не имеющих ничего общего с реальностью. Все эти пресыщенные мультимиллионеры с «тайными» комнатами в своих дворцах существуют только в фантазиях авторов. На самом же деле БДСМ-тусовка весьма различна и по социальному статусу, и по отношению к жизни.

Собственно, как и позиционирование. Я, например, маза, мазохистка. Интересное слово, да? Но для тех, кто в курсе, ничего в нем нет интересного — это как половая принадлежность. Кто-то Доминант, кто-то подчиняющийся ему сабмиссив, кто-то Верхний, кто-то — нижний... а я вот маза. Мазохистка, отдающая свое тело во власть садиста с единственной целью — получить удовольствие от боли. Такая вот у меня... хм... ориентация. И это вовсе не значит, что я ненормальная или еще что-то.

Я обычная женщина, просто люблю не то, что все. Это началось задолго до всех этих типа «культовых» романов, сочиненных скучающими домохозяйками. Те, для кого Тема не игрушка, а жизнь, существовали задолго до английской мадам с ее фантазиями. Просто они романов о себе практически не пишут. Они этим живут.

Вот и мы живем — я и мой Верхний. Мы вместе очень много лет, это своего рода рекорд. Но в Теме, как и в жизни, тоже ничего не длится вечно. Тема — это даже не про физиологию, это про чувства. И порой даже больше про чувства, чем обычные, так называемые ванильные отношения. Потому что там все острее, честнее и больнее. А больно будет непременно — и не важно, будет это боль от плети или боль от расставания.

Апрель — август 200* года

Нам всегда было трудно вместе. Парадокс, но расстаться мы тоже никак не решались, потому что врозь оказывалось еще труднее. Искать же замену... Не знаю, как Денис, а я даже думать об этом никогда не хотела. Проблема не в том, чтобы найти мужчину для секса. Проблема в том, чтобы суметь доверить себя, свое здоровье, свою жизнь. Для такого доверия нужны годы, а хлынувшие в Тему неопиты совершенно не понимают каких-то основных законов, по которым отношения в ней развиваются. Меня это и пугало, и разочаровывало, потому я на многие действия Дениса просто закрывала глаза. Так было проще.

Проблема же заключалась еще и в том, что я не вижу края. Не чувствую той грани, за

которую никак нельзя, — и это очень пугает Дэна. После первого моего обморока, в который я хлопнулась от болевого шока, он серьезно мне сказал:

— Зайка, в Уголовном кодексе есть три статьи, по которым ты можешь запросто упечь меня в тюрьму — сто шестнадцатая, сто семнадцатая и сто тридцать вторая, а если словами и попроще — то побои, истязания и насильственные действия сексуального характера. По совокупности могу получить пожизненно. Не думаю, что ты этого хотела бы, правда?

Я согласно кивнула и усмехнулась про себя — какой грамотный, даже УК прочитал... Но все оказалось намного серьезнее...

Верхний в ответе за нижнего — это аксиома. Нижний передает все права на себя, свое тело Верхнему. И потому он должен постоянно контролировать и себя, и того, кто под ним. А это невозможно, если нижний — такой, как я, то есть без башни. Я не понимаю стоп-слов, ни разу не произносила, чтобы остановить экшен. И это пугает Дениса куда сильнее моих обмороков. Но как, как я могу остановить то, что мне нравится? Мне нравится свист плети, нравится ощущение бес-

помощности и неизвестности — когда ты не видишь, что именно в руках у твоего Верха в данный момент, когда знаешь, что никак не можешь повлиять на ход событий. Когда все внутри замирает именно от этой неизвестности, когда сексуальное удовольствие приходит с ударом...

Философия этих отношений проста до безобразия, и если делать все, как положено, то все будет в полном порядке — и овцы целы, и волки сыты. Но я слишком часто пренебрегаю этими правилами — я знаю и каюсь, но сделать ничего не могу.

Так к чему я все это? А, да... Ощущения... Когда я впервые согласилась попробовать, то ожидала, если честно, чего-то совсем другого, только не того, как это было. Я даже не знала, что так может быть... И когда впервые тонкая черная плеть коснулась моей спины, я испытала такое ощущение, за которое отдам все на свете... И с этого началась вся моя любовь.

Мы познакомились давно — еще в школе, в выпускном классе. Учились вместе на подготовительных курсах в медицинский институт, ездили домой одним автобусом — Денис

жил чуть дальше, чем я, в микрорайоне на горе, а я напротив больницы, в которой позже оба будем работать. Ничего романтичного — встречи на занятиях два-три раза в неделю, поездки до дома.

Я была серьезной, училась хорошо, готовилась к поступлению и ни о каких отношениях вообще в тот момент не задумывалась, передо мной стояла другая цель — институт. Хотя Денис понравился мне сразу, едва вошел в длинный, как пенал, кабинет в старом корпусе. Таких красивых парней я, кажется, прежде и не видела.

Он действительно был очень хорош собой — высокого роста, почти под два метра, стройный, широкоплечий, с черными волосами и какими-то бездонными, почти без зрачков глазами. И взгляд этих глаз по какой-то непостижимой причине оказался сразу прикован ко мне. И Денис направился к нашей парте — длинному столу на пятерых, где нас сидело четверо. Он присел с краю, между нами оказалась моя подруга Сашка, но Денис все занятие то и дело выглядывал из-за нее, стараясь поймать мой взгляд. Я вжималась в стену, чувствовала, что краснею, и не могла понять, что происходит.

При довольно обычной внешности я была девицей самоуверенной, а острый и хорошо подвешенный язык, говорят, вообще эту внешность затмевал — часто мой собеседник потом не мог четко сказать, как я, собственно, выгляжу. Я привыкла не считать себя красивой, но и дурнушкой тоже не была. Однако внимание Дениса по всем канонам не должно было достаться мне — вокруг сидело множество девчонок с куда более эффектной внешностью, лучше одетых, ярких. Да та же Сашка...

Но — нет. Он впивался в меня этим взглядом, и я мучительно смотрела на часы в ожидании окончания занятий. И вдруг оказалось, что нам по пути на остановку и даже маршрут нужен один.

Вот так и началось...

Правда, на следующем занятии Денис вдруг сел на соседний ряд и так, чтобы видеть меня, едва повернув голову. Я заметила, что он после таких взглядов склоняется к тетради и что-то не то пишет, не то рисует — даже в момент, когда преподаватель ничего не диктует. Оказалось, он заканчивал художественную школу и прекрасно рисовал. Собственные изображения я обнаружила в его тетрадях, когда он

привез мне конспекты в больницу, куда я попала в начале зимы.

Это было очень неожиданно — и этот его визит, и тетради, и портреты, украшавшие задние страницы, а то и просто нарисованные поверх текста лекции. Рисовал он действительно очень хорошо.

Я видела, что нравлюсь ему — уж не знаю, что его так привлекло, почему он больше ни на кого не обращал внимания. Но я очень боялась заводить отношения с красавчиком, в чем признавалась себе только в дневниках, которые вела всю жизнь, класса с пятого. Я очень боялась возможной боли от расставания — не понимаю, почему решила, что мы непременно должны будем расстаться. Но страдать не хотела, не хотела чувствовать себя брошенной. О том, что могу бросить сама, почему-то даже не думала.

Словом, Дениса я держала на расстоянии, хотя иногда соглашалась пойти с ним в кино или просто прогуляться. Но разве можно считать это хоть какими-то отношениями, даже просто дружескими? Ну нет ведь.

Тему как таковую мне открыл, разумеется, тоже Денис, и случилось это на втором курсе института. Я не испугалась, не отшатну-

лась в ужасе, когда увидела выпавшие на пол из шкафа в его комнате кляп и наручники. Я даже не заметила, каким изучающим стал его взгляд, как Денис весь напрягся, натянулся, словно струна на гитаре, как ждал моей реакции.

А у меня внутри вдруг что-то заныло сладко, затрепетало от предвкушения — мне захотелось понять, что испытывают люди, играя в эту игру. То, что это совсем не игра, а настоящая жизнь, я поняла чуть позже и ни разу не пожалела о своем открытии.

Я не спрашивала у Дениса, откуда у него все эти инструменты, где и когда он научился владеть плетью и стеклом, — не знаю почему. Но зато я как-то слепо ему доверилась, как будто чувствовала, что он не причинит мне вреда. И потом, мне очень нравилось видеть, какое удовольствие ему самому доставляет все то, что он со мной делает. Мы и до этого оказывались в одной постели, это тоже вышло как-то совсем естественно, словно бы так должно было произойти — и произошло. Но Тема, конечно, сделала наши отношения совсем другими, и даже обычный ванильный секс перешел на совершенно иной уровень. Подозреваю, что причина такой откровенности Дениса крылась